

Кулик Олег

11.05.05

В искусство и обратно

Олег Кулик снова будет представлять на биеннале в Венеции не Россию, а только себя *Куликовская - 2005 - 11 мая - с.7*

Григорий Заславский

В московской «XL-галерее» проходит выставка Олега Кулика. Художник, более всего знаменитый безжалостными опытами над самим собой, на этот раз отправился в Монголию и влюбился в ее бесконечные просторы. Фотографии и видео, сделанные во время путешествия, и стали основой экспозиции.

— Олег, вообще-то странно, что вы не принимали участия в только что закончившемся фестивале «Золотая маска». Вам не обидно, что жизнь ваша с театром не соприкасается?

— У нас театральный мир и театральная политика и идеология очень политизированы, а я фигура, я так считаю, новаторская, не чета другим, которые все-таки укладываются в некоторую официальную идеологию. Бояюсь, что это будет некий конфликт. Мне театр близок, и жанр перформанса, которым я занимаюсь, очень сильно повлиял на современный театр, во всем мире эти вещи не разделяются. Мне кажется, наш театр еще не дозрел до серьезных мировых форумов. Когда была моя выставка в Нью-Йорке «Я кусаю Америку — Америка кусает меня», там был фурор, люди автобусами приезжали смотреть. «Нью-Йорк таймс» напечатал восторженные полполосы, а в это время там выступал «Современник». В той же газете напечатали маленькую заметку, что был такой-то спектакль и пьеса неплохая. А возвращаюсь сюда, про «Современник» — фурор, победа русского театра, а про Кулика — опять он кого-то укусил, оскандалил нашу великую страну.

— Скажу вам честно, я вас понял именно через театр. Мне стало чрезвычайно интересно, что вы делаете, я стал выстраивать некие параллели, сюжеты между театром Гrotovskого и тем, что вы делаете.

— Первым, как ни странно, мне руку протянул Гришковец. Он подошел, сказал, что под большим впечатлением от того, что я делаю. Он только приехал в Москву, года 3-4 назад, сделал «Как я съел собаку», мне так понравилось, напоминало то, что

я разыгрываю в кругу друзей, рассказывая истории, придумывая жизнь. Гришковец сумел поднять это до высокой драмы. Я окружен людьми, которые меня любят, но, когда чуть выходишь, видишь непонимание, не ненависть, а животную тьму.

— Был такой знаменитый диалог царя с Пушкиным по поводу декабристов. Пушкин сказал: я был бы там, потому что там были мои друзья. Объявили приговор организаторам выставки «Осторожно: религия!». Вас не наказали...

— Но по всем каналам полоскалась именно моя работа с этой выставки, и более того, когда я ходил на суд, когда меня просили (все художники разбежались), я давал показания, защищая обвиняемых. А злобные бабки из подворотни просто лаяли: сатана, сатана, сатана. Я ни-

не идеализирую и не снимаю этнографию. Снимаю этот воздух, это пространство.

— А что там сейчас, в Монголии? Какой строй, насколько они далеко ушли от социализма?

— Представьте, что вы никогда не пробовали воды, и вдруг пьете глоток чистой воды. Я могу вам о ней рассказывать сколько угодно, но когда вы ее попробуете, поймете, как это просто и гениально. Монголия плевала на все цивилизационные проекты, там этого нет. Там в Улан-Баторе несколько придурков — 46 партий бегают друг за другом, но законодательно запрещено ковыряться в земле, запрещена любая промышленность, все, что мешает пасти скот и жить кочевым образом жизни, это завещал Чингисхан и сказал: монголы, когда вы от этого откажетесь, Монголия исчезнет. И я

удалось. Собака тоже ведь появилась как попытка хлопнуть дверью и вообще уйти из искусства. Я сказал: не хочу участвовать в фальшивом обмене вторичными ценностями, поэтому я становлюсь на четвереньки, говоря, что я человек не культурный — я дикий. И это дало какой-то импульс, поэтому здесь нет окончания проекта, мой проект — моя жизнь и мое отношение к этой жизни. Другое дело, меня удивляет, что за это кто-то что-то готов платить. Галерея как раз это переводит жизнь художника в некую продукцию. Я им дико благодарен, что они за меня решают; когда я начинаю об этом думать, у меня начинается дикая паника, я совершенно не понимаю, что является предметом продажи.

— А на Венецианскую биеннале что поедет от вас в этом году?

Я не хочу участвовать в фальшивом обмене вторичными ценностями

куда не прятался, считая, что нес добро, свет и любовь. Я говорил: ребята, мы решаем, есть Бог или нет, в суде! Это не подлежит юрисдикции любого закона. Это вещь, которую человек втишина, в темноте решает сам для себя, вы выносите вопросы, которые пахнут таким Средневековьем, за которое предыдущий Папа принес извинения.

— Теперь про выставку в «XL-галерее»: что это за экспозиция?

— У меня все проекты как некая единная линия, я воспринимаю свою работу как живой организм. Вот я еду в Монголию и нахожу в реальной жизни воплощенными те ценности, которые я всю жизнь разделял: чистота, искренность, животность, открытость. Животность не в том смысле, как часто употребляют люди, — а существа, которые не умеют врать, которые живут простой, естественной жизнью, люди находятся в симбиозе с природой. И меня так потрясает, что я не нахожу ничего более умного, как снимать камерой, вынутой из машины, какие-то простые сцены.

впервые вижу людей, которые живут за цивилизацией и счастливы. Ездят на лошадях, живут в юртах, огромные бескрайние просторы, чистая вода, свежий воздух, рыба, мясо. Там даже носки загнуты у валенок, чтобы землю не ковырять. Западные компании стоят с миллиардовыми заказами, чтобы добывать медь, никель, кобальт... А им ничего не нужно, только пасти скот. Там суровый образ жизни, можно попасть в бурю в пустыне, можно пропасть, зимой просто кошмар, но люди к этому привыкли. Бог там живет.

— Для вас монгольский проект завершился или вы предполагаете вернуться туда еще просто потому, что там вам очень понравилось?

— Я не ехал туда ради каких-то проектов, более того, я бежал туда от несчастной любви, я думал, что вообще с собой ничего не возьму. В последний момент сунули видеокамеру и, когда я приехал, меня попросили показать, как это было. Я сделал какую-то нарезку и показал. И все мои попытки убежать из искусства, выскочить из проекта не

— Видео поедет. Там будет именно инсталляция.

— Вы будете Россию представлять, или, как в прошлый раз, вас будут приглашать кураторы?

— Меня приглашают иностранные кураторы, будет такой интернациональный проект. Россию будут представлять другие, думаю, симпатичные люди.

— Это обидно или нет?

— Это не обидно. Россию представлять — это такая вещь, я все время этого побаиваюсь. Быть первым в том месте, которое определено многими для России, я бы не хотел. Если так повернется ситуация — ты должен написать Россию, — я восприму это как серьезную работу, где я должен поставить все против репутации России. Россия — это международное чудовищное пугало — темная, страшная, агрессивная. Я должен взять и убедить людей, что не совсем так, есть и другие тенденции... Услышат ли меня, ведь у меня тоже много проблем на западных выставках именно из-за того, что говорят: это понятно, русский агрессор.